

УДК 159.9:172.3
ББК 88.522

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ МОТИВАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО СУИЦИДАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА

Чернов Александр Юрьевич

Доктор психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой психологии
Волгоградского государственного университета
psi@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Буланова Ирина Сергеевна

Старший преподаватель кафедры психологии
Волгоградского государственного университета
psi@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Психологическое объяснение мотивации религиозного суицидального терроризма сводится к закономерному последствию аскетического типа религиозной конверсии. В контексте религиозной идеологии терроризма изменение смысловой сферы, как ключевого аспекта конверсии, сопряжено с особым типом отношений с Богом.

Ключевые слова: терроризм, мотивация религиозного суицидального терроризма, смысловая сфера, аскетический тип религиозной конверсии, ревилативный тип отношений с Богом.

Среди специалистов, занимающихся проблемой терроризма, нет согласованного определения данного понятия, а дискуссии и точки зрения на данный счет поражают своим разнообразием (Н.С. Седых, В.А. Соснин, С.Н. Ениколопов, М.И. Марьин, Ariel Merari, Chris E. Stout, James W. Jones, Ruth Stein, Neil J. Smelser и др.). Ученые, однако, сходятся во мнении, что терроризм – явление сложное и многокомпонентное, и попытки понять этот феномен должны быть междисциплинарными [6; 7; 8]. К таким дисциплинам можно отнести культурологию, социологию, политологию, психологию и религиоведение.

Психологическое осмысление терроризма условно разделяется на два направления [7, р. 3]. Первое направление сосредоточено на понимании мотивации, стратегий исполнителей террористических актов. Второе на-

правление подразумевает исследование и практические действия, связанные с реакцией общества на постоянную угрозу террористических актов. К сожалению, в рамках указанных областей очень мало исследований и много направлений работы.

Ключевой вопрос психологии в рамках первого направления исследования терроризма: что движет человеком или группой для совершения таких чудовищных действий, как террористические акты?

Анализ зарубежных источников, посвященных данной проблеме, показал, что наибольшее распространение получило диспозиционное направление [6; 7; 8]. Начиная с 60-х гг. исследования были сосредоточены на поиске типичной террористической личности. Одни исследователи понимают терроризм как форму индивидуальной патологии. Другие со-

средоточивают свое внимание на социально-психологических условиях, формирующих личность террориста-смертника. Так, результаты лонгитюдного исследования, проведенного А. Мегари в Палестине показали, что к таким условиям можно отнести ситуацию нищеты, безысходности и разочарования [6, р. 8]. На сегодняшний день, однако, диспозиционное направление теряет свою актуальность. Многочисленные зарубежные сравнительные исследования опровергают объяснение террористического поведения через различные формы патологии. Уровень мастерства и адаптивных способностей, требуемых для совершения террористических актов, не совместим с психическими и невменяемыми состояниями.

В целом критика диспозиционного направления сводится к фундаментальной ошибке атрибуции: переоценке внутренних причин для совершения террористических актов и недооценке внешних. Шокирующее заключение критиков сводится к тому, что акт бесчеловечности совершается самыми простыми людьми. Другими словами, у каждого из нас есть некий «потенциал» для совершения подобных деяний. Одна из попыток ответить на вопрос, в чем кроется этот «потенциал», широко известна в социальной психологии: исследование феномена деструктивного подчинения, проведенные в 60-х гг. С. Милгремом [3, с. 409–434]. Глобальной целью эксперимента было объяснение причин жестоких действий, совершаемых людьми в рамках политики фашизма. Феномен подчинения, рассмотренный в эксперименте, является базовой составляющей структуры социальной жизни и связан с идеализированными объектами. В классическом эксперименте Милгрема таким идеализированным объектом была наука. Важнейшее значение имела безупречная репутация учреждения, в котором проходил эксперимент, авторитет ученого, а также сама наука, ради которой совершались деструктивные действия испытуемыми.

J.W. Jones для осмысления мотивации террористов предлагает по-новому взглянуть на эксперимент Милгрема [7, р. 11]. Он задается вопросом: имел бы эксперимент такие же результаты, если бы вместо лаборатории была мечеть или церковь, лидер носил бы религиозную одежду, а процесс действий над

«испытуемым» был бы описан как новый способ обращения в веру еретиков? James W. Jones отвечает на данный вопрос утвердительно. Ссылаясь на результаты эксперимента Милгрема, он утверждает, что помимо науки как идеализированного объекта к такому можно отнести также власть и религию. На уровне массовых действий история знает три трагических примера иллюстрирующих это заключение: фашизм, коммунизм и радикальный ислам.

Многие исследователи соглашаются с автором в отношении ключевого положения религиозной проблематики в вопросе терроризма [6; 7; 8]. Из многочисленных примеров достаточно привести один: документы, найденные в багаже нескольких террористов, причастных к событию 11 сентября в США, практически полностью содержат информацию религиозного содержания: цитаты Корана, наставления, молитвы для каждого этапа террористического акта и пр. [6, р. 11]. Уровень индивидуальной мотивации терроризма имеет непосредственное отношение к религиозному фанатизму. Психология религии в объяснении данного явления играет ключевую роль.

Однако с нашей точки зрения классическая модель социального влияния в рамках решения вопроса о мотивации отдельной личности к совершению террористических актов теряет свое звучание. Терроризм как современное явление знаменует собой конец той войны, которую мир знал до теракта 11 сентября [8, р. 3]. Аспекты глобализации, постмодернизма формируют отсутствие четких пространственных и ролевых границ той войны, в которую оказался вовлечен современный человек. Установление законов шариата во всем мире подразумевает, что фактически весь мир становится полем военных действий. При этом любой человек невольно вовлекается в войну в качестве априори заданной ему роли неверного. Наряду с этим, совершить беспрецедентное по своей жестокости действие может воспитанный в рамках той же культуры человек, положительно оцениваемый большинством своих знакомых.

Последний из указанных аспектов имеет особое значение. Представление о том, что процесс вербовки, воспитания и обучения террористическим актам происходит постепен-

но, посредством погружения в соответствующую среду, через общение с наставником во многом теряет свою актуальность. Современные примеры показывают, что эти процессы могут происходить спонтанно, скрыто, через дискуссии с друзьями, чтение литературы и часто через Интернет. Никаких контактов с лидером или наставников не требуется, а сам процесс вербовки может занимать достаточно короткое время.

В связи с этим нам кажется необходимым сосредоточить свое внимание в области психологии личности. А именно, в области исследований радикальной трансформации личности – религиозной конверсии. Каким образом возможно обращение в веру, а в случае радикального ислама – в убийцы?

Религиозная конверсия (conversion – превращение, обращение; переход в другую веру; перемена убеждений; изменение состояния) – процесс и результат обращения в веру. В определенном смысле это тип духовного роста или развития, который относится к заметной смене направления относительно религиозных идей и поведения [9, р. 97]. Психологический смысл религиозной конверсии подразумевает процесс и результат глубоких изменений личности. Эти изменения касаются интерпретации важных жизненных событий, иерархии ценностей, постановке жизненных целей, собственной идентичности.

Проведенное нами эмпирические исследования религиозной конверсии показало, что данный процесс опосредован изменением системы смыслов [5]. Категория смысла вовлекает когнитивные, аффективные, мотивационные и поведенческие элементы. Каждый из этих элементов функционально связан с «сакральным». Изменения в системе смыслов, в свою очередь, происходят в соответствие с тремя типами: позитивный, кризисный и аскетический типы. Наибольшее распространение имеет позитивный тип религиозной конверсии. Он характеризуется тем, что в результате обращения в веру, новообращенный оценивает изменения, произошедшие с ним в положительную сторону. Кризисный тип религиозной конверсии связан с отрицательными жизненными событиями, как ключевым моментом обращения в веру. Он характеризуется дифференцированными изменениями в смысловой

сфере, как положительными, так и отрицательными. Такой когнитивно-сложный тип конверсии связан с самым высоким уровнем религиозности.

Наибольший интерес в рамках рассматриваемой нами проблемы представляет аскетический тип религиозной конверсии. Частота его встречаемости – около 2 % всех новообращенных. Данный тип конверсии является наиболее радикальным и действенным. Часто именно он связан с уходом в монастырь и существенными изменениями всей жизни человека. Аскетический тип конверсии подразумевает, что верующий в результате обретения Бога оценивает изменения, произошедшие с ним в отрицательную сторону, воспринимая их при этом как благо. Для данного типа конверсии характерно чувство вины, смирение и самоуничтожение.

В объяснении данного типа конверсии необходимо понимать, что любая религия возвышает свой идеал и подчеркивает пропасть между конечным человеком и идеалом. Именно этот аспект религии порождает чувство смирения, вину, самоуничтожение. Верующий в результате конверсии оценивает свою жизнь и себя в ней в контексте именно таких отношений с Богом, которые фактически для него становятся единственной реальностью. Вместе с тем, любая религия в противовес непреодолимой пропасти между Богом и человеком содержит в себе также возможность приблизиться к Богу. Эта дихотомия создает очень мощный мотивационный заряд, провоцирующий на дальнейшие действия. На фоне потери идентичности верующий ищет реализацию возможности приблизиться к Богу. Возникает мотив служения. Традиционное православие предоставляет возможность уйти в монастырь для этого. Однако, поскольку пропасть между человеком и Богом непреодолима, то поиск и приближение к Нему не заканчивается с уходом в монастырь, а постоянно возобновляется в следующем цикле: чувство вины, смирение (осознание своей ничтожности перед Богом) – исповедь (покаяние) – перевоспитание (служение). Такая «самоподдерживающаяся система» создает возможность для постоянного духовного и религиозного роста. Он, в свою очередь, подразумевает со-

вершенство в добровольной депривации (доходящей порой до самоистязаний) и мученичестве в качестве средства достижения счастья (приближение к Богу).

Радикальный ислам предлагает другую возможность приблизиться к Богу. В социальном смысле данная вера не подразумевает разрыва между мирской и духовной жизнью («*Монашество же они сами придумали, Мы не предписывали им этого*» Сура: Железо (27)). Понятие аскетизма заменяется понятием *зухд* – «забвение в своем сердце всего, кроме Аллаха; а также безразличное отношение к материальным прелестям земной жизни» [1, с. 83]. Всю свою волю верующий отдает Аллаху. Кроме того, в исламе социальные, индивидуальные, общественные, политические, религиозные аспекты жизни рассматриваются в единстве (именно поэтому необходим междисциплинарный подход к пониманию терроризма). Идеология радикального ислама стремится к установлению законов шариата (от араб. «*прямой, правильный путь*») во всем мире. Рассмотренная выше форма отношений с Богом распространяется в данном случае не только на индивидуальный уровень, но и на общественный, социальный. Осознание несовершенства, тема морального упадка современного западного общества – центральная тема почти всех трудов религиозно мотивированных террористов [7, р. 122]. В качестве дальнейших действий как стремления избавиться от этого несовершенства и приблизиться к Аллаху возникает тема очистки, жертвы и установления законов Бога на земле.

На индивидуальном уровне путь к Аллаху, служение выражается в принятии на себя роли того, кто совершит акты очистки и жертвоприношения. Совершение террористического акта для верующего становится формой служения. Это подтверждают упомянутые нами документы террористов, причастных к теракту 11 сентября. «Любовь к джихаду и мученичеству стали обладать моей жизнью, моим существом, моими чувствами. Мое сердце болело, когда я услышал стихи Корана, и моя душа рвалась, когда я понял свои недостатки и недостатки мусульман в выполнении обязанностей в отношении борьбы на пути Всемогущего Бога» [7, р. 8].

В данном случае цикл, который являлся бесконечной формой духовного развития (постоянного осознания несовершенства и стремления и приблизиться к Богу), прерывается и представляет собой цепочку действий: самоуничтожение (принятие своего несовершенства) – покаяние – служение – возрождение. Служение подразумевает крайнюю «форму добровольной депривации» – лишение себя жизни. Однако через такое служение верующий попадает в рай и достигает конечной цели – Бога. Более того, среди радикальных исламистов есть убеждение, что будучи шахидом, террорист не просто приблизится к Богу, а войдет в рай как один из самых почитаемых святых (лишь на ступень ниже пророков) [7, р. 67].

В объяснении суицидального терроризма важно также сосредоточить внимание на специфике отношений верующего с Богом. Как уже было отмечено, в аскетическом типе религиозной конверсии отношения с трансцендентным Иным становятся главным мотивационным фактором. Систематизация религиозного опыта на основе межличностных отношений представлена в следующей классификации: конфирмативный тип, респонсорный тип, экстатический тип, ревилативный тип [2]. Конфирмативный тип религиозного опыта подразумевает, что человек интуитивно осознает присутствие Бога как партнера по межличностному взаимодействию. В респонсорном типе религиозного опыта человек осознает и принимает взаимный характер отношений между ним и Богом. Экстатический тип религиозного опыта связан с эмоциональными отношениями любви и дружбы в отношениях с Богом. И при ревилативном типе религиозного опыта человек чувствует себя доверенным лицом Бога, равноправным участником взаимоотношений. Аскетический тип религиозной конверсии не обязательно связан с тем или иным типом религиозного опыта. Так, например, можно предположить, что постепенный духовный и религиозный рост как постепенное приближение к Богу соответствует последовательному переходу от одного типа к другому (от конфирмативного к ревилативному).

В отношениях с Богом террорист-смертник является доверенным лицом. Более того,

присутствует делегирование как предоставление полномочий играть вдохновляющую роль в делах человечества. В данной религии делегирование касается не просто личной жизни верующего, но и всего человечества.

Таким образом, психологическое понимание и объяснение мотивации террориста-смертника исходит из следующих положений.

Во-первых, ключевую роль в данном процессе играет определенный тип религиозной конверсии (аскетический) как обращения человека в веру. Важнейшей составляющей данного типа конверсии является изменение системы смыслов новообращенного. Единственной реальностью для верующего становится реальность отношений с Богом.

Во-вторых, аскетический тип религиозной конверсии характеризуется самоуничижением, чувством вины, потерей идентичности. Специфика взаимоотношений человека с Богом подразумевает наряду с потерей идентичности стремление приблизиться к Богу. Характерна направленность на будущее. Верующий живет не здесь и сейчас, а будущим спасением, трансцендентным (об этом говорят различные фантазии смертников о рае).

В-третьих, в радикальном исламе отношения с Богом развиваются по ревалитивному типу, при котором Бог делегирует свои полномочия террористу-смертнику. Это в свою очередь, является формой служения для верующего.

Мотивацию суицидального терроризма не стоит упрощать и редуцировать до уровня одной объяснительной схемы. Существует множество различных факторов, которые должны составлять целый мотивационный комплекс. Данная объяснительная модель исходит из смыслового понимания религиозной конверсии и религиозного опыта. Это, в свою очередь, открывает дальнейшие направления работы. Вызывает интерес генезис аскетического типа религиозной конверсии, возможные факторы и детерминанты такого типа обра-

щения в веру. Кроме того, понимание религиозного опыта как иначе сконструированной реальности может иметь перспективу не только в первом направлении работы – объяснение мотивации террористов, – но и во втором, связанном с реакцией общества на постоянную угрозу террористических актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Али-заде, А. Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде. – М. : Ансар, 2007. – 396 с.
2. Буланова, И. С. Классификация типов религиозного опыта / И. С. Буланова, А. Ю. Чернов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11, Естественные науки. – 2011. – № 2 (2). – С. 82–87.
3. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб. : Питер, 2008. – 752 с.
4. Седых, Н. С. Социальные последствия терроризма в контексте глобализационных процессов современности : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / Седых Наталья Сергеевна. – Ростов н/Д, 2006. – 28 с.
5. Чернов, А. Ю. Качественное исследование смыслового содержания религиозной конверсии / А. Ю. Чернов, И. С. Буланова // Актуальные проблемы психологии : сб. ст. Междунар. заоч. конф., посвящ. 20-летию ВГИ (филиал) / отв. ред. О. Н. Макаренко. – Волгоград : Царицынская полиграфическая компания, 2012. – С. 111–120.
6. Chris, E. Stout The psychology of terrorism: Theoretical understandings and perspectives. Vol. 3 / С. E. Stout, С. Mccauley, M. J. Stevens [et al.]. – Westport : Praeger, 2002. – 269 p.
7. James, W. Jones Blood that cries out from the Earth: The psychology of religious terrorism / James W. Jones. – N. Y. : Oxford University Press, 2008. – 209 p.
8. Neil, J. Smelser. The faces of terrorism: social and psychological dimension / Neil J. Smelser. – Princeton : Princeton University Press, 2007. – 292 p.
9. Pargament, K. I. The psychology of religion and coping / K. I. Pargament. – N. Y. : Guilford Press, 1997. – 286 p.

**PSYCHOLOGICAL EXPLANATION OF THE MOTIVATION
OF THE RELIGIOUS SUICIDE TERRORISM**

Chernov Aleksandr Yur'evich

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Psychology,
Volgograd State University
psi@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Bulanova Irina Sergeevna

Senior Lecturer, Department of Psychology,
Volgograd State University
psi@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The psychological explanation of the motivation of religious suicide terrorism is reduced to a natural consequence of the ascetic type of religious conversion. In the context of the religious ideology of terrorism the change of semantic fields as a key aspect of the conversion is associated with a particular type of relationship with God.

Key words: terrorism, religious motivation of suicide terrorism, the sense sphere, ascetic type of religious conversion, revelational type of relationship with God.